

УДК 811.161.1'367.62
doi 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97

ВИДЫ ГЛАГОЛОВ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Чинция Челоне

преподаватель русского языка

Лицей иностранных языков им. Примо Леви (MITD330007)

20021, Италия, г. Боллате, ул. Варалли, 20. cencious86@yahoo.it

SPIN-код: 8208-9076

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1292-8562>

ResearcherID: M-7227-2018

Статья поступила в редакцию 22.06.2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Челоне Ч. Виды глаголов повелительного наклонения в прагматическом аспекте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2018. Т. 10, вып. 3. С. 89–97. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97

Please cite this article in English as:

Celone C. Vidy glagolov povelitel'nogo nakloneniya v pragmaticheskom aspekte [Imperative Verb Aspects: a Pragmatic Approach]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2018, vol. 10, issue 3, pp. 89–97. doi 10.17072/2037-6681-2018-3-89-97 (In Russ.)

Изучение видовых различий русских глаголов повелительного наклонения требует «выхода» за рамки системы языка в область экстралингвистических факторов коммуникации, т. е. в прагматику речевой деятельности. В статье несовершенный и совершенный виды глагола-императива рассматриваются в аспекте их включенности в директивный речевой акт. Видовая принадлежность глагола является значимым компонентом прагматического содержания побудительного высказывания. Грамматические значения видов (длительность, процессуальность, многократность, повторяемость действия – для несовершенного вида; результативность, однократность, локализованность действия во времени, последовательность действий – для совершенного вида) являются первичными, условно-прагматическими видовыми значениями глаголов повелительного наклонения, репрезентирующих каузируемое действие в директивном речевом акте. Под влиянием экстралингвистических факторов коммуникации семантика видов обогащается дополнительными, собственно-прагматическими значениями. В подклассе реквестивных речевых актов – просьбе, мольбе и приглашении – собственно-прагматическими значениями видов являются значения ожидаемости и неожиданности действия со стороны адресата. Совокупность прагматических значений, реализованных во всех директивных речевых актах, составляет прагматический потенциал несовершенного и совершенного видов глаголов повелительного наклонения. Изучение функционирования видов императива с учетом ситуативного фона речевого акта позволяет углубить и уточнить представления о сущности видового противопоставления при выражении побуждения к действию. В практическом плане лингвопрагматическая концепция видовых различий императива может способствовать усовершенствованию методики преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: виды русского глагола; императив; прагматика вида; прагматические значения видов; директивные речевые акты; реквестивы; речевой акт просьбы; речевой акт мольбы; речевой акт приглашения.

Вопрос об употреблении совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) видов глагола в форме повелительного наклонения привлекал внимание многих ученых. Этот вопрос входит в широкую проблематику изучения аспектуальности как од-

ной из самых сложных грамматических категорий русского глагола, исследованию которой посвящены многочисленные работы российских и зарубежных лингвистов [Авилова 1976; Бондарко 1971, 1983, 2001; Васильев 1981; Гуревич

1994; Зализняк 2000; Карпухин 2008; Маслов 2004; Плунгян 2001; Шведова 1984; Gebert 2014; Norrer 1982 и др.]. Как отмечает А. Тимберлейк, «сложность описания и теоретического осмысления славянского вида обусловлена тем, что здесь приходится обращаться сразу ко многим языковым уровням» (цит. по: [Карпухин 2008: 5]). В межуровневом статусе вида заключается одна из главных причин сложности этой категории.

В ряде трудов специальным предметом анализа стали видовые различия русских глаголов повелительного наклонения [Исаченко 1962; Маслов 1962; Бондарко 1965; Рассудова 1968 и др.]. Одной из первых в рустике идею о зависимости значений повелительного наклонения от видовой принадлежности глагола высказала О. П. Рассудова. По ее мнению, вид является выразителем определенных экспрессивно-модальных значений императива: побуждения собеседника к действию, просьбы совершить действие, передать совет, распоряжение, разрешение, приказ, требование. Одни из этих значений закреплены за несовершенным видом, другие – за совершенным [Рассудова 1968: 101]. С этим утверждением автора можно согласиться лишь отчасти, поскольку закрепленность отмеченных значений за тем или другим видом весьма относительна.

Достоинством концепции О. П. Рассудовой является обоснование роли речевой ситуации в репрезентации видовых различий глаголов повелительного наклонения, а именно: «Анализ побуждения неразрывно связан с характером речевой ситуации и, собственно, без анализа речевой ситуации не может быть раскрыто» [там же]. Вместе с тем «экспрессивно-модальные значения», о которых пишет автор, по существу представляют собой не что иное, как директивные речевые акты (ДРА), которые вряд ли могут быть определены и разграничены лишь на основе видовой принадлежности глагола. Как показало проведенное нами исследование, глаголы СВ активно используются в советах, просьбах, приказах, распоряжениях, разрешениях, предложениях и других ДРА. Кроме того, с учетом достижений современной лингвопрагматики вряд ли правомерно отождествлять речевой акт и экспрессивно-модальное значение языковой единицы.

Хотя в теории аспектуальности на основе функционально-семантического подхода определена категориальная семантика глаголов обоих видов, проблема изучения исключительно богатого и неоднородного содержания, которое выражается видом или с участием вида, остается актуальной. Так, И. Б. Шатуновский подчеркивает, что «насущной задачей современной аспектологии является создание максимально широкого... описания этой категории, соединяющего

общий взгляд и внимание ко всем частностям и деталям» [Шатуновский 1997: 225].

В докторской диссертации С. А. Карпухина обоснован лингвопрагматический подход к интерпретации категории вида. Исследователь считает, что «сущность видового противопоставления лежит не в характере самого действия, а в его **отношении к ситуативному фону** (выделено нами. – Ч. Ч.)» [Карпухин 2008: 8]. По мнению автора, «именно этот подход обещает быть более плодотворным, чем традиционный» [там же].

Мы полагаем, что изучение функционирования видов императива с учетом прагматического содержания речевого акта позволит углубить и уточнить представления о сущности видового противопоставления при выражении побуждения к действию. В практическом плане лингвопрагматический подход к разграничению видов вытекает из острой потребности усовершенствовать методику обучения русскому глагольному виду инофонов в рамках преподавания РКИ.

Представим наше понимание прагматики вида применительно к императивным глаголам.

Мы исходим из того, что в форме повелительного наклонения грамматические значения видов сохраняются. Если глаголам СВ свойственно выражение результативных, однократных, локализованных во времени действий (см.: [Шмелев 1959; Бондарко 1971: 11–21 и др.]), то такие же видовые значения реализуются при функционировании глаголов в форме повелительного наклонения. Если глаголы НСВ обозначают длительно-процессуальные, повторяющиеся, многократные действия [там же], то такие же видовые значения обнаруживаются и в повелительном наклонении.

Иначе говоря, категориальное значение оказывает закономерное влияние на выбор говорящим того или иного вида императива в любой коммуникативной ситуации. С учетом этого категориальную (грамматическую) семантику вида можно считать его **первичным, условно-прагматическим значением** – обязательным, однако не всегда достаточным для выражения коммуникативного намерения и мотивов говорящего в акте побуждения к действию. Мы называем категориальную семантику вида условно-прагматической на том основании, что овладение грамматикой языка относится к базовому – вербально-семантическому – уровню языковой личности как «совокупности способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [Караулов 1987: 26]. Рассмотрим следующие примеры:

- 1) – *Можно тебя проводить?* – **Проводи.**
- 2) – *Можно тебя проводить?* – **Провожай.**

В первом примере характер действия, выраженного глаголом *проводи*, полностью «вписывается» в категориальную семантику СВ, так как глагол репрезентирует результитивное, однократное, локализованное во времени действие. В данном случае грамматическое значение СВ, которое в речевом акте реализуется как первичное прагматическое значение, полностью удовлетворяет коммуникативные потребности говорящего.

Во втором примере в той же ситуации говорящий использует глагол НСВ *провожай*, выражая скорее вынужденное согласие, если не равнодушие, по отношению к адресату. Очевидно, что здесь категориальная семантика НСВ (процессуальность, повторяемость, многократность действия) противоречит однократности каузируемого действия, ведь речь по-прежнему идет о конкретном «провождении». Значит, в этом случае на выбор именно НСВ оказывают влияние определенные прагматические факторы коммуникативной ситуации, которые как бы вытесняют категориальную семантику НСВ. Важнейшим из этих факторов в данном речевом акте является незаинтересованность говорящего в выполнении запрашиваемого собеседником действия.

О недостаточности только грамматической семантики для выражения коммуникативного намерения субъекта речи свидетельствует также явление конкуренции видов – «взаимозаменяемость видов, не сопровождаемая изменением основного смысла высказывания» [Бондарко 1971: 36]. Если бы различия в категориальной семантике видов обеспечивали выражение всех значимых прагматических смыслов высказывания, то конкуренция видов была бы невозможна.

С учетом вышесказанного для объяснения видовых различий императива, которые проявляются в речевом общении, требуется «выход» за рамки системы языка в область экстралингвистических факторов коммуникации, т. е. в прагматику речевой деятельности. Можно предполагать, что экстралингвистические факторы речевого акта обуславливают формирование у видов **дополнительных, собственно-прагматических** значений, связанных с выражением коммуникативного намерения говорящего в конкретной ситуации. Собственно-прагматические значения видов соотносятся с более высоким – мотивационным – уровнем языковой личности, компоненты которого, по мнению Ю. Н. Караулова, проявляются в «коммуникативно-деятельностных потребностях» индивида [Караулов 1987: 28].

При изучении прагматики видов, характеризующей директивные речевые акты, мы исходим из принципов системного исследования, которые требуют, во-первых, анализа отдельных прагма-

тических значений СВ и НСВ, выявляющих существенные особенности речевого акта, и, во-вторых, последующего синтеза прагматических значений в целостную систему. Представляется, что оптимальным способом описания такого сложного объекта, как прагматика вида, является моделирование его прагматического потенциала.

Модель является «такой мысленно представляемой или материально реализованной системой, которая должна не только отображать или воспроизводить объект, но и быть способной замещать его так, чтобы изучение этой модели давало новую информацию о моделируемом объекте» [Штофф 1966: 19]. При этом объект в процессе моделирования, с одной стороны, неизбежно упрощается, с другой – становится более жестко организованным. Так, Ю. М. Лотман, отмечая необходимость абстрагирования от некоторых «незначительных» признаков объекта в процессе его моделирования, апеллирует к позиции Ф. де Соссюра, который при описании синхронного состояния языка призывал отвлекаться от «маловажных» диахронических изменений «подобно тому, как математики при некоторых операциях, например при вычислении логарифмов, пренебрегают бесконечно-малыми величинами» [Лотман 1992: 91]. Определенное упрощение объекта в процессе моделирования «не может в принципе встретить возражений, поскольку подобное искажение объекта в результате его описания представляется закономерным» [там же: 91–92].

С нашей точки зрения, моделирование прагматического потенциала императивных видов в условиях их употребления в ДРА соответствует позиции И. А. Мельчука, которую мы поддерживаем. Исследователь подчеркивает, что «одной из центральных задач современной лингвистики является... построение функциональных моделей языка – действующих моделей типа «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1999: 14]. Разрабатываемая нами в рамках лингвопрагматики модель видовых различий русских глаголов повелительного наклонения, употребляемых в директивных речевых актах, позволит установить закономерности прагматического фокусирования интенции говорящего при выражении побуждения адресата к действию.

Подчеркнем, что мы рассматриваем вид глагола в аспекте его включенности в речевой акт, детерминированный комплексом экстралингвистических факторов коммуникации. В связи с этим закономерно предположить, что в ДРА видовая принадлежность императива соотносится с прагматическими признаками конкретного речевого акта, отражающими психологические и социальные отношения между адресантом и адресатом.

Коммуникативное намерение субъекта речи, которое проецируется в сферу языка, получает в директивных речевых актах конкретный способ языковой номинации, в том числе посредством совершенного или несовершенного вида императивного глагола, обладающих определенной иллюкутивной силой. Совокупность прагматических значений вида, реализованных во всех речевых актах, формирует его прагматический потенциал.

Мы придерживаемся общепринятой классификации речевых актов Дж. Серля, который выделил репрезентативы, директивы, декларативы, комиссивы и экспрессивы [Searle 1976]. В дальнейшем Е. И. Беляева при изучении директивных речевых актов разделила их на три подкласса: *прескриптивы*, *реквестивы* и *суггестивы* [Беляева 1992]. Иллокутивная сила директивных речевых актов, по Серлю, заключается в побуждении слушающего совершить определенное (каузируемое) действие и тем самым «приспособить мир к словам». Психологическое состояние субъекта речи, совершающего директивный речевой акт, в целом соотносится с желанием говорящего, чтобы адресат выполнил его волю [там же: 1–23]. Развивая приведенные положения лингвопрагматики, обоснуем идею о том, что вид императива играет важную роль в прагматическом фокусировании коммуникативного намерения говорящего в акте волеизъявления.

Понятие прагматического фокусирования введено в лингвопрагматику Т. А. ван Дейком, по мнению которого в текстовом пространстве существует некий центр видения, смещающий акценты в соответствии со значимостью того или иного языкового явления в текстовой системе. Ван Дейк считает, что при передаче информации в тексте некоторые ее фрагменты получают «специальную обработку вниманием», т. е. какому-либо объекту отводится привилегированное место, вследствие чего этот объект находится в фокусе и выделяется из множества других, образующих его окружение [ван Дейк 1978: 316]. Прагматический фокус, по ван Дейку, обеспечивает внимание адресата.

Понятие прагматического фокусирования получило развитие в ряде лингвистических работ (см., напр.: [Богданова 2000; Чернявская 2014; Цин 2018]). Так, в исследовании О. А. Богдановой прагматическое фокусирование рассматривается как «иерархизированная система формально-содержательных способов привлечения внимания читателя путем акцентирования текстовых элементов, несущих наиболее значимую информацию» [Богданова 1999: 4]. В диссертации Ян Цин в качестве средств прагматического фокусирования в жанре лекции изучаются фигу-

ры речи и приемы диалогизации [Цин 2018]. В. Е. Чернявская отмечает, что прагматическое фокусирование является интегративным, генерализующим понятием [Чернявская 2014: 215]. Мы разделяем эту точку зрения и считаем возможным экстраполировать понятие прагматического фокусирования на область речевых актов.

По нашему мнению, в директивных речевых актах на русском языке прагматическим фокусом высказывания является именно видовая принадлежность глагола повелительного наклонения. Для аргументации этого тезиса представим закономерности употребления императивных глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида в реквестивных речевых актах просьбы, мольбы и приглашения.

ДРА просьбы является ядерным речевым актом реквестивов, поскольку ему присущи все прагматические признаки, характеризующие данный подкласс: 1) каузируемое действие необлигаторно, т. е. не подлежит обязательному выполнению адресатом; 2) говорящий занимает неприоритетную позицию по отношению к адресату; 3) хотя каузируемое действие бенефактивно (желательно) для говорящего, решение о его выполнении или невыполнении лежит на адресате [Беляева 1992: 15].

Обращаясь к слушателю с просьбой, говорящий надеется на выполнение каузируемого действия и для него важен результат этого действия, т. е. реализация просьбы. Данная существенная характеристика речевого акта просьбы репрезентируется глаголами СВ, посредством которых передается результативность, однократность и локализованность действия во времени. Обычно эти значения СВ получают эксплицитную поддержку в контексте высказывания. Приведем примеры (глаголы выделены полужирным шрифтом, значимые контекстуальные средства подчеркнуты)¹:

– *Полей, пожалуйста, сегодня вечером цветочки.*

– *Перед началом работы **проветри** помещение.*

– ***Расскажите** мне о вашей работе!*

В том случае, если просьба связана с выполнением повторяющегося, многократного или длительного действия, используются глаголы НСВ, например:

– *На следующей неделе меня не будет дома, **поливай** цветочки каждый вечер, пожалуйста.*

– *Перед началом работы **проветривай** помещение.*

– *Ну, что вы остановились? **Продолжайте**, я вас слушаю.*

– ***Читайте, читайте**, мне очень интересно.*

Грамматические значения видов, названные нами условно-прагматическими, в речевом акте просьбы дополняются собственно-прагматическими значениями. Так, императив СВ используется для побуждения адресата к выполнению неожиданного действия, т. е. такого, которое не было предметом его мысли и о котором ранее не шла речь. Обычно в контексте побудительного высказывания неожиданную просьбу «поддерживает» объяснение ее причин и выражение заинтересованности говорящего в совершении казузируемого действия. Например:

– **Открой**, пожалуйста, окно, в комнате душно!

– **Передай**, пожалуйста, эту книгу Маше. Она одолжила ее мне месяц назад, и с тех пор я ее не видел и не смог вернуть.

– **Включи телевизор!** Через пять минут начнется последний фильм Бреда Пита, надо обязательно его посмотреть.

Императив НСВ используется для побуждения адресата к выполнению ожидаемого действия, просьба о котором уже подготовлена контекстом либо является стандартной в определенной ситуации. Например:

– Студент входит в аудиторию, где идет экзамен, и подходит к столу, на котором лежат билеты. Очевидно, что он должен взять билет. Преподаватель, обращаясь к студенту, говорит в этом случае: **Берите билет.**

– В магазине покупатель говорит продавцу: – *Хорошо, я возьму эти ложки. Пожалуйста, выпишите двенадцать штук. Упакуйте их в коробку.* Ответная реплика продавца: – **Вот чек, платите!**

– Турист, прогуливаясь по Летнему саду, обращается к прохожему: – *Вы не смогли бы меня сфотографировать? Минуточку, я подойду к этой скульптуре. Готов. Снимайте!*

В подобных ситуациях адресат, подготовленный к выполнению казузируемого действия, ждет речевого сигнала, чтобы начать его. Подтверждением правомерности такой интерпретации приведенных высказываний является возможность трансформации императива в конструкцию «можно + инфинитив глагола», см.:

– *Начинаем второй тур нашей олимпиады. Вы приготовились? Пять минут на обдумывание ответов. Показывайте ваши ответы.* (Можно показывать)

– *Микрофон включен, – объявил звукорежиссер. – Говорите!* (Можно говорить)

– *Все участники хора на месте. Объявляйте начало концерта!* (Можно объявлять)

– *Все готовы? Отдохнули? Делайте упражнения.* (Можно делать)

Возможность трансформации императивной конструкции в конструкцию с модальным словом *можно* свидетельствует о сближении речевых актов просьбы и разрешения: 1) адресат ждет разрешения говорящего на выполнение казузируемого действия; 2) предполагается обязательность выполнения действия со стороны адресата.

Ожидаемая просьба может сопровождаться выражением нетерпения говорящего, побуждающего адресата поскорее приступить к действию, которое уже *пора* выполнять. Например:

– Подготовившись к ответу, студент садится перед экзаменатором. Экзаменатор говорит студенту: – **Отвечайте!** (Пора отвечать)

– Мать говорит ребенку: – *Давно пора делать уроки. Садись и читай заданный текст!*

В другом случае, обратившись с неожиданной просьбой и употребив при этом императив СВ, при виде колебаний или нерешительности адресата говорящий повторяет ту же просьбу, используя императив НСВ:

– **Включи, пожалуйста, свет...** *ну что ж, не услышал, давай включай!*

– **Запиши мой телефон...** *Ну, записывай!*

Таким образом, в ДРА просьбы императив СВ имеет прагматические значения однократности, результативности, локализованности действия во времени, а также неожиданности казулируемого действия. Императив НСВ имеет значения повторяемости и ожидаемости казулируемого действия, при этом последнее значение может иметь модальный оттенок нетерпения или подбадривания.

В прагматическом плане ДРА **мольбы** представляет собой вариант ДРА просьбы, так что акту мольбы присущи те же признаки: 1) казулируемое действие не подлежит обязательному выполнению адресатом (наоборот, иногда мольба вызвана сопротивлением адресата удовлетворить желание говорящего); 2) позиция говорящего по сравнению с позицией адресата неприоритетная, поскольку говорящий зависит от воли адресата; 3) казулируемое действие желательно для говорящего, но иногда нежелательно для адресата.

Основным условно-прагматическим значением СВ при выражении мольбы является результативность казулируемого действия. В акте мольбы говорящий полностью полагается на адресата, однако по сравнению с просьбой в мольбе наблюдается более высокий уровень иллюкутивной силы, ведь порой от выполнения казулируемого действия может зависеть жизнь говорящего. Основным различием между ДРА просьбы и ДРА мольбы является психологическое состояние адресанта, который в мольбе максимально экспрессивно выражает свою зависимость от во-

ли адресата и высокую потребность в осуществлении каузируемого действия. Именно глаголы СВ, способные выражать результативное действие, эксплицируют данную иллюкцию.

Сравним следующие предложения:

– **Помоги** мне решить это задание. (просьба)

– **Вернись** домой раньше сегодня вечером, мне нужна твоя помощь. (просьба)

– **Спаси** меня от очередной встречи с твоей матерью. (просьба)

– *Прошу тебя, **помоги** мне ради бога, я умираю!* (мольба)

– Она ждала на груди руки и проговорила с мольбой: – *Мосье Лантев, **спасите** моих детей!* (Чехов) (мольба)

– **Вернись** обратно, Витингтон, о Витингтон, **вернись** обратно! (Катаев) (мольба)

– **Помогите, спасите** в эту трудную минуту мое честное имя! (Павлов) (мольба)

Об аффективном эмоциональном состоянии говорящего в ДРА мольбы свидетельствует восклицательная интонация, контекстные средства (прежде всего эмоциональные междометия и форма 1 лица перформативных глаголов), а также повторы императива СВ, усиливающие интенсивность волеизъявления. Приведем примеры:

– *Анна Николаевна, Ася, – твердил я, – пожайлуйста, умоляю вас, ради бога, **перестаньте**...* (Тургенев)

– **Помоги** мне. Я прошу тебя. **Помоги** мне. (Геласимов)

– *Я прошу Тебя: дай мне силу и дай мне желание спасти человека, имя которого Ты знаешь.* (Азольский)

– *Тогда, прошу тебя, **отпусти** меня, дай мне наконец свободу жить, дышать воздухом.* (Булгаков)

– *Люблю только тебя, умоляю, **прости, прими!*** (Грекова)

При использовании в ДРА мольбы императивных глаголов с отрицанием НСВ употребляется в том случае, когда адресат намерен совершить нежелательное для говорящего действие, например:

– *И умоляю, никому **не говорите!** Вы этого не слышали.* (Туркова)

– *Гражданин начальник, умоляю, **не пишите** это в протоколе!* (Виноградов)

Вместе с тем в религиозном речевом жанре **молитвы**, прагматическим ядром которого является акт мольбы, наблюдается использование императивов СВ, см.: *не оставь* меня, грешного; *не введи* нас во искушение; *не дай* лукавому демону обладать мною и др. Вероятно, данный случай можно считать стилистическим вариантом мольбы.

Таким образом, значение результативности, грамматически свойственное глаголам СВ, в речевом акте мольбы полностью удовлетворяет прагматические потребности говорящего.

Речевой акт **приглашения** репрезентирует все прагматические признаки, характеризующие класс реквестивов, однако, как отмечает Е. И. Беляева, по линии бенефактивности действия в приглашении совмещаются признаки реквестивов и суггестивов, поскольку каузируемое действие одновременно желательно для говорящего и приятно или полезно для адресата [Беляева 1992: 19]. В приглашении существенную роль играет параметр пространства: как правило, говорящий заинтересован в прибытии адресата в определенное место, поэтому приглашение последовательно выражается глаголами движения.

Речевой акт приглашения реализуется в ситуациях приема гостей и осуществляется только с помощью глаголов НСВ. Например:

– Принимая гостей, хозяйка говорит: – **Входите! Заходите, заходите! Проходите** в комнату!

– *Здравствуйте, Николай Петрович! Рады вас видеть! **Проходите, раздевайтесь.***

– *Пожалуйста, **заходите**, директор ждет вас!*

– **Проходите, знакомьтесь.** Это наши старые друзья.

– *Жить вы будете у нас. Что же вы стоите? **Заходите, раздевайтесь, вешайте плащ.** Вот ваша комната. **Проходите, устраивайтесь.***

Хотя в приведенных примерах использованы глаголы НСВ, этот выбор не детерминирован грамматическими значениями данного вида, так как каузируемое действие не повторяется и не является многократным или длительным. Выбор НСВ обусловлен здесь готовностью адресата к восприятию приглашения, поэтому главную роль играет собственно-прагматическое значение ожидаемости действия, которое формируется именно в данной коммуникативной ситуации и которое способен передать именно НСВ.

Сравним следующие предложения:

– **Зайдите** ко мне в конце недели, я сообщу вам наше решение.

– **Заходите** ко мне в конце недели.

Во втором примере НСВ выражает приглашение, тогда как в первом примере – просьбу или, в зависимости от контекста, разрешение. Аналогичные значения НСВ наблюдаются в следующем примере:

В дверь стучат. – **Войдите!** (СВ выражает разрешение совершить действие)

Сергей стучит в дверь. Валя говорит: – **Входи, Сережа!** (НСВ выражает приглашение)

Как видим, в ДРА приглашения собственно-прагматическим значением НСВ также является ожидаемость каузируемого действия адресатом. Поскольку ситуации, в которых репрезентируется это значение, регулируются правилами этикета, можно признать наличие в этом значении дополнительного модального оттенка этикетности.

Таким образом, в форме повелительного наклонения, как и в формах других наклонений, глаголы СВ и НСВ сохраняют свои категориальные (грамматические) значения, названные нами условно-прагматическими: императивы НСВ выражают *длительно-процессуальные, повторяющиеся, многократные* действия, императивы СВ – *результативные, однократные, локализованные во времени* действия. Однако в условиях функционирования в директивных речевых актах у императивных видов формируются дополнительные, собственно-прагматические значения, которые выдвигаются в сильную позицию высказывания под воздействием экстралингвистических факторов речевого акта. Собственно-прагматические значения видов конкретизируются в понятиях ожидаемого и неожиданного действия с точки зрения адресата побуждения. Именно ожидаемость / неожиданность побудительного действия является объектом прагматического фокусирования говорящего.

Изучение функционирования видов императива с учетом ситуативного фона речевого акта позволяет углубить и уточнить представления о прагматической сущности видового противопоставления при выражении побуждения к действию. В практическом плане лингвопрагматическое объяснение видовых различий глаголов повелительного наклонения может способствовать развитию грамматических и речевых навыков инофонов, изучающих русский язык как иностранный.

Примечание

¹ В статье приводятся примеры из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorg.ru/> (дата обращения: 15.04.2018).

Список литературы

Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 328 с.
Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 168 с.
Богданова О. А. Цвето- и светообозначение как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1999. 202 с.
Бондарко А. В. О системе анализа семантики глагольного вида // Труды аспектологического

семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. С. 6–18.

Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 208 с.

Бондарко А. В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

Бондарко А. В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола // Ученые записки Института славяноведения. Т. XXIII. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 179–203.

Васильев Л. М. Семантика русского глагола. М.: Высш. шк., 1981. 184 с.

Гуревич В. В. Глагольный вид в русском языке. М.: ФЛИНТА, 2018. 224 с.

Дейк ван Т. А. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.

Зализняк А. А. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки рус. культуры, 2000. 221 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. II: Морфология. Братислава: Изд-во Словацкой Академии наук, 1960. 570 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.

Карпухин С. А. Семантика русского глагольного вида: дис. ... д-ра филол. наук. Самара, 2008. 329 с.

Лотман Ю. М. Динамическая модель семиотической системы // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. Т. 1. С. 90–101.

Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки слав. культуры, 2004. 840 с.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл – текст». М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.

Плунгян В. А. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Изд-во МГУ, 2001. Т. 1. С. 173–190.

Рассудова О. П. Употребление видов глагола в русском языке. М.: Изд-во МГУ, 1968. 140 с.

Цин Я. Приемы речевого воздействия в жанре лекции (стилистические фигуры, способы диалогизации): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2018. 188 с.

Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Directmedia, 2014. 267 с.

Шатуновский И. Б. Императив и вид // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: МАКС Пресс, 2004. Т. 4. С. 253–280.

Шведова Л. Н. Трудные случаи функционирования видов русского глагола: (К проблеме конкуренции видов). М.: Изд-во МГУ, 1984. 109 с.

Штофф В. А. Моделирование и философия. М.; Л.: Наука, 1966. 302 с.

Gebert L. L'imperfetto 'narrativo' romanzo e l'imperfetto 'generale fattivo' slavo: un confronto // L'architettura del testo. Studi contrastivi slavo-romanzi / a cura di Inkova O. et al. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2014. P. 9–20.

Hopper P. Aspect between discourse and grammar: an introductory essay for the volume // Tense-aspect: between semantics and pragmatics / Paul J. Hopper (ed.) Amsterdam, 1982. P. 3–18.

Searle J. R. A. Classification of Illocutionary acts // Language in Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. Vol. 5, № 1. P. 1–23.

References

Avilova N. S. *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova* [The verb aspect and verb semantics]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 328 p. (In Russ.)

Belyaeva E. I. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliyskiy yazyk* [Grammar and pragmatics of imperativeness: English]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1992. 168 p. (In Russ.)

Bogdanova O. A. *Tsveto- i svetooboznachenie kak odna iz form pragmaticheskogo fokusirovaniya v strukture khudozhestvennogo teksta*. Dis. kand. filol. nauk [Color and light designation as one of the forms of pragmatic focusing in the fiction text structure. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 1999. 202 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. O sisteme analiza semantiki glagol'nogo vida [On the system of analyzing the verb aspect semantics]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of Aspectological Seminar of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Moscow State University Press, 2001, vol. 1, pp. 6–18. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Printsipy funktsional'noy grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 208 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)* [The verb aspect and tense of the Russian verb (meaning and use)]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1971. 239 p. (In Russ.)

Bondarko A. V. Opyt obshchey kharakteristiki vidovogo protivopostavleniya russkogo glagola [Experience of characterizing the Russian verb aspect opposition]. *Uch. zap. in-ta slavyanovedeniya* [Scientific notes of the institute of Slavic studies]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1965, vol. XXIII, pp. 179–203. (In Russ.)

Vasil'ev L. M. *Semantika russkogo glagola* [Russian verb semantics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1981. 184 p. (In Russ.)

Gurevich V. V. *Glagol'nyy vid v russkom yazyke* [Verb aspect in the Russian language]. Moscow, FLINTA Publ., 2018. 224 p. (In Russ.)

Dijk van T. A. Voprosy pragmatiki teksta [Issues of text pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New Horizons in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1978, vol. 8. *Lingvistika teksta* [Text Linguistics], pp. 259–336. (In Russ.)

Zalzyayak A. A. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to the Russian aspectology]. Moscow, LRC Publishing House, 2000. 221 p. (In Russ.)

Isachenko A. V. *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii so slovatskim* [Russian grammar in comparison to Slovakian's]. Bratislava, Slovak Academy of Sciences Publ., 1960, vol. 2. *Morfologiya* [Morphology]. 570 p. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and Linguistic Personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 261 p. (In Russ.)

Karpukhin S. A. *Semantika russkogo glagol'nogo vida*. Dis. dokt. filol. nauk [Semantics of the Russian verb aspect. Dr. philol. sci. diss.]. Samara, 2008. 329 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Dinamicheskaya model' semioticheskoy sistemy [The dynamic model of semiotic system]. *Lotman Yu. M. Izbrannye stat'i* [Lotman Yu. M. Selected Articles]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1, pp. 90–101. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology, Studies in General Linguistics]. Moscow, LRC Publishing House, 2004. 840 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl – tekst»* [Experience of the linguistic models theory “Meaning – Text”]. Moscow, LRC Publishing House, 1999. 346 p. (In Russ.)

Plungyan V. A. Vid i tipologiya glagol'nykh sistem [Verb aspect and typology of verbal systems]. *Trudy aspektologicheskogo seminar filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of Aspectological Seminar of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University]. Moscow, Moscow State University Press, 2001, vol. 1, pp. 173–190. (In Russ.)

Rassudova O. P. *Upotreblenie vidov glagola v russkom yazyke* [The use of verb aspects in the Russian language]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1968. 140 p. (In Russ.)

Tsin Ya. *Priemy rechevogo vozdeystviya v zhanre lektsii (stilisticheskie figury, sposoby dialogizatsii)*. Dis. kand. filol. nauk [Techniques of linguistic manipulation in the genre of lecture] (stylistic figures,

means of dialogization). Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2018. 188 p. (In Russ.)

Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of text: multicode system, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, Directmedia Publ., 2014. 267 p. (In Russ.)

Shatunovskiy I. B. Imperativ i vid [Imperative and verb aspect]. *Trudy aspektologicheskogo seminara filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova* [Proceedings of Aspectological Seminar of Philological Faculty at Lomonosov Moscow State University]. Moscow, MAKS Press, 2004, vol. 4, pp. 253–280. (In Russ.)

Shvedova L. N. *Trudnye sluchai funktsionirovaniya vidov russkogo glagola (k probleme konkurentsii vidov)* [Difficult cases of Russian verb aspects functioning: verb aspects competition]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1984. 109 p. (In Russ.)

Shtoff V. A. *Modelirovanie i filosofiya* [Modelling and philosophy]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 302 p. (In Russ.)

Gebert L. L'imperfetto 'narrativo' romanzo e l'imperfetto 'generale fattivo' slavo: un confront [The narrative imperfect in the Romance languages and the factual imperfective in the Slavic languages]. *L'architettura del testo. Studi contrastivi slavoromanzi* [The Text Architecture. Contrastive Studies in the Slavic and Romance Languages]. Alessandria, Edizioni dell'Orso Publ., 2014, pp. 9–20. (In Ital.)

Hopper P. Aspect between Discourse and Grammar: an Introductory Essay for the Volume. *Tense-aspect: between Semantics and Pragmatics*. Ed. by Paul J. Hopper. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 1982, pp. 3–18. (In Eng.)

Searle J. R. A. Classification of Illocutionary Acts. *Language in Society*. Great Britain, Cambridge University Press, 1976, vol. 5, issue 1, pp. 1–23. (In Eng.)

IMPERATIVE VERB ASPECTS: A PRAGMATIC APPROACH

Cinzia Celone

Russian Language Teacher

Primo Levi Foreign Languages High School (MITD330007)

20, Varalli st., Bollate, 20021, Italy. cencious86@yahoo.it

SPIN-code: 8208-9076

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1292-8562>

ResearcherID: M-7227-2018

Submitted 22.06.2018

In order to understand the differences in the use of the Russian verb aspects, it is necessary to go beyond the bounds of the language system into the field of pragmatics. In this paper, we investigate the pragmatic content of verb aspects in requestive speech acts (one of the three subclasses of directive speech acts), in particular in requests, prayers and invitations. The traditional grammatical meanings of the aspects form the basic pragmatic aspect level, which for the Imperfective aspect represents the expression of repeated, habitual actions or actions in progress which are therefore incomplete, while for the Perfective aspect – the expression of a single completed action with the emphasis on the result. Under the influence of extra linguistic communication factors, first of all the socio-psychological relationship between the speaker and the hearer, the semantics of verb aspects may acquire additional secondary strictly pragmatic meanings, which form the second pragmatic aspect level. In the subclass of requestive speech acts, there are two such meanings – expectedness or unexpectedness of the causative verb to the hearer. These meanings are introduced by the author of the paper as a result of the investigation of imperative sentences from the Russian National Corpus. The summation of the pragmatic meanings proper to all directive speech acts represents the pragmatic potential of imperative verbs aspects. The study of the perfective and imperfective functioning in directive speech acts taking into consideration the extralinguistic background makes it possible to better understand the specific features of Russian verbs aspects. The pragmatic approach to the study of Russian verbs aspects can turn into a new methodology of teaching Russian as a foreign language.

Key words: Russian verb aspects; imperative mood; pragmatics of aspect; pragmatic meanings of aspects; directive speech acts; requestive speech acts; prayer as a speech act; invitation as a speech act.